ART & CULT АРТИКУЛЬТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ ИСКУССТВА РГГУ
научный электронный журнал

ISSN 2227-6165

Научная статья / Research article
УДК/UDC 7.01+72+72.036
DOI: 10.28995/2227-6165-2021-2-91-96

Светлана Владимировна Петрушихина
Svetlana Vladimirovna Petrushikhina
старший научный сотрудник, НИИ теории и истории искусства РАХ,
senior research fellow, the State The Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of arts,
аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
PhD student, Lomonosov Moscow State University
s.petrushikhina@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ КОНЦА XX ВЕКА

THE QUESTION OF FEMALE BODY IN ARCHITECTURAL THEORY IN THE LATE 20TH CENTURY

Статья посвящена феномену женской телесности в зарубежной теории архитектуры 1980-х-90-х годов. В настоящей работе рассматриваются работы Д. Агрест, Э. Гросс, Д. Блумер и Д. Фауш. Данная проблема рассматривается теоретиками архитектуры с двух позиций: постструктуралистской и феноменологической. Дженифер Блумер и Дайана Агрест избирают постструктуралистскую критическую стратегию, в которой понятие «женское» трактуется как «Другое» относительно «Я» фаллоцентричного дискурса архитектуры. Элизабет Гросс пишет, что женщины были вытеснены из сферы архитектуры: на это указывает не только тот факт, что количество мужчин среди архитекторов многократно превосходит число женщин, но и то обстоятельство, что присущие пространству атрибуты женской телесности оказываются полностью проигнорированы. Дайана Агрест считает, что они и вовсе были апроприированы мужчинами-архитекторами, чему она находит подтверждение в трактатах А. Филарете, Ф. ди Джорджо Мартини и Л.Б. Альберти. Трактовка женской телесности в феноменологическом ключе отражена в концепции «феминистической архитектуры» Деборы Фауш. «Феминистическая архитектура» возвращает ценность конкретного, чувственного телесного опыта в восприятии архитектуры. Перцептивный опыт, получаемый субъектом через тело, позволяет семантическому измерению более полно раскрыться в здании.

Ключевые слова: телесность, архитектура, женская телесность, архитектурный антропорморфизм, теория архитектуры XX века, Дайана Агрест, Дебора Фауш, Дженифер Блумер

Для цитирования: *Петрушихина С.В.* Проблема женской телесности в теории архитектуры конца XX века // Артикульт. 2021. №2(42). С. 91-96. DOI: 10.28995/2227-6165-2021-2-91-96

This article is devoted to the phenomenon of female body in the foreign theory of architecture in the 1980-s–90-s. The works of D. Agrest, E. Grosz, D. Bloomer and D. Fausch are examined in the present paper. There are two perspectives on the problem of female corporeality: poststructuralist and phenomenological. Jennifer Bloomer and Diane Agrest adopt a poststructuralist critical strategy in which the notion of the feminine is considered as the “Other” of the logocentric architectural discourse. Elisabeth Gross notes that women have always been displaced from the realm of architecture. This is indicated not only by the absence of female architects, but also by the fact that the inherent attributes of female corporeality have been completely disregarded. Diane Agrest suggests that these attributes were appropriated by male architects. The phenomenological perspective on the female corporeality is reflected in Deborah Fausch's concept of “feminist architecture”. “Feminist architecture” brings back the value of concrete, sensual bodily experience in the perception of architecture. The subject's perceptual experience through the body allows the semantic dimension to unfold in the building.

Keywords: corporeality, architecture, female body, architectural anthropomorphism, architecture theory of 20th century, Diane Agrest, Debora Fausch, Jennifer Bloomer

For citation: Petrushikhina S.V. “The question of female body in architectural theory in the late 20th century.” *Articult*. 2021, no. 2(42), pp. 91-96. (in Russ.) DOI: 10.28995/2227-6165-2021-2-91-96

Телесность в архитектуре являет себя несколькими способами: как соразмерная человеку система пропорций, как аналогия между строением тела и структурой здания, а также как ориентированность на телесный опыт воспринимающего субъекта. На присутствие телесности в архитектуре указывают термины и эпитеты, которые используются для описания зданий – скелет (каркас), кожа (оболочка), ноги (опоры), стопы (фундамент). Эти миметические тропы используются для того, чтобы подчеркнуть аналогию здания с телом как олицетворением природной красоты и гармонии [Lico, 2001, pp. 33]. Витрувий в «Десяти книгах о зодчестве» говорит о том, что строение

© Петрушихина С.В., 2021

ISSN 2227-6165

человеческого тела и математическая гармония его пропорций могут служить системой мер в архитектуре. Он считал, что человеческое тело является микрокосмом Вселенской гармонии, поэтому архитекторы должны проектировать здания по образу и подобию тела. [Витрувий, 2006, с. 61-62]. В частности, в четвертой книге он фактически называет тело источником соразмерности в ордерных системах: пропорции мужского тела выступают образцом для дорического ордера, а женское – для ионического и коринфского [там же, с. 75].

Во второй половине XX века теоретики и архитекторы постмодернизма по-новому проблематизируют телесность в архитектуре. Для приверженцев феноменологии архитектуры тело является главным инструментом восприятия окружения, посредством которого мы генерируем пространственно-временные отношения. Они всячески подчеркивают значение данных мультисенсорного перцептивного опыта, получаемых телом не только при помощи зрения, но и других органов чувств. М. Невлютов пишет, что феноменологический подход предполагает, что тело человека и воспринимаемый им мир имеют «единую материальную природу», что делает возможным чувственное восприятие окружения [Невлютов, 2021, с. 45]. Исследователь, ссылаясь на С. Ситара, указывает, что акцент на телесно-чувственных переживаниях обусловлен тем, что для представителей феноменологического подхода значение архитектуры может полностью раскрыться только на «довербальном» или «пара-вербальном» уровне человеческого опыта «при участии способности визуального, звукового, тактильного, кинестетического воображения» [там же, с. 41-42] (цит. по Ситар С. Переопределение архитектуры как движение к подлинности // юбилейный каталог Московской архитектурной школы МАРШ).

Помимо описанной выше феноменологической коннотаций телесности в теории архитектуры под влиянием постструктурализма раскрываются новые аспекты данного понятия. Одним из них является попытка гендерной идентификации тела, проецируемого на здания, а вместе с ней – стремление определить место и роль женской телесности в архитектуре. Данный вопрос актуализируется в 80-е годы XX века в контексте феминистической критики архитектуры. В тот период под влиянием метода деконструкции, лингвистической теории и психоанализа изменилась рецепция понятия «женское»: оно начало рассматриваться как угнетенное, репрессированное и оскорбленное самой логикой архитектурного мышления. Такая риторика представлена в работах Элизабет Гросс и Дайаны Агрест.

В эссе «Женщины, хора, обитание» Элизабет Гросс исследует культурное основание концепции пространства и связанный с ним феномен исключения понятия «женское» из архитектурного дискурса. Гросс пишет, что конвенциональное понимание пространства и основанные на нем представления об архитектуре непосредственно связаны с понятием «хоры». Проанализировав тексты Платона и Ж.Деррида, Э.Гросс приходит к выводу, что хора, трактуемая как нейтральная, бесформенная, субстанция, которая выступает в качестве промежуточного звена между материальным миром и миром идей, не является гендерно нейтральной. Так, в диалоге «Тимей» Платона хора обретает свойства женского начала: она описывается как невидимая сила, которая вмещает в себя все формы вещей и дает им материализоваться в реальном, видимом мире [Платон, 1971, с. 491]. Тем не менее, во всех классических архитектурных трактатах этот аспект никак не учитывается [Grosz, 1996, p. 55].

В своем стремлении обосновать релевантность изложенных в данной статье взглядов, Гросс апеллирует к текстам Люс Иригарэй и её идее о тотальном исключении женщин из истории философии. Гросс пишет: «Иригарэй утверждает, что маскулинные модусы мышления сотворили обескураживающую махинацию: они сняли с себя чувство долга за собственное появление перед всеми первичными материями пространства, перед «породившей» их сущностью...» [Grosz, 1996, p. 47]. Далее Э.Гросс указывает на вытеснение женщин и самого понятия «женское» из сферы архитектуры как на профессиональном уровне, так и на теоретическом. Она считает, что проблему подавления женщин невозможно решить за счет утверждения «женской архитектуры» и определения ее границ. Автор призывает к пересмотру и переопределению основополагающих

ISSN 2227-6165

понятий архитектурного мышления, а именно – категорий места и пространства. Гросс, вслед за Иригарэй, утверждает, что теория архитектуры требует нового прочтения, в которой женщины и само понятие «женского» должны обрести ценность и значимость, и благодаря этому занять свое законное место в западной традиции [Grosz, 1996, p. 57].

Объектом критики Д. Агрест становится сама «система архитектурной дисциплины». Под этим Агрест понимает определенный свод текстов и правил, лежащих в основе западной архитектурной традиции, начиная с эпохи Ренессанса. Эта система основана на логоцентризме и мужском антропоморфизме. Однако система западной архитектурной традиции, о которой говорит Агрест, полностью игнорирует женскую телесность. Она оказывается не столько исключена или вытеснена за рамки маскулинного пространства, сколько угнетена и подавлена внутри него. Следовательно, мужской антропоморфизм в архитектуре формирует так называемое «пространство подавления» (“a space of repression”) [Agrest, 1996, p. 543].

Проанализировав трактаты Альберти, Филарете и Франческо ди Джорджо Мартини, Агрест выявляет следующие способы подавления женской телесности:

1. Мужское тело проецируется на проекты здания и города, а также в тексты, закрепляющие такую идеологию. Женское тело оказывается полностью исключено из системы архитектуры;

2. Фигура архитектора феминизируется, перенимая на себя женские репродуктивные функции. «Вынашивание» архитектором замысла заказчика, его совершенствование и реализация подаются как эквивалент беременности и родов. В данном случае мы сталкивается с «буквальным» вытеснением женской телесности.

Агрест отмечает, что апроприация функций женской телесности обычно имеет место тогда, когда речь в теоретических работах идет о фигуре матери. В одном случае фантазии о зачатии и репродуктивных функциях переносятся на архитектора, а в другом – на общий уровень организации городского пространства [Agrest, 1996, p. 549].

Дайана Агрест предполагает, что «внешняя» позиция женщины по отношению к системе архитектуры открывает доступ к новым стратегиям критики. «Внешнее» системы архитектуры локализовано не в женщине-наблюдателе, ни в самом феномене женского тела или женщины архитектора. Агрест считает, что оно принадлежит городу, который в современном мире становится «бессознательным» архитектуры. «Именно из города, снаружи, возможно инициировать критику архитектуры» – пишет Агрест. [Agrest, 1996, p. 551]

Архитектура воспринимается Агрест в постструктуралистском ключе: как гипертекст, состоящий из различных фрагментов. Среда (в данном случае – городская застройка) трактуется как открытая система, элементы которой могут быть перекомпонованы и интерпретированы как угодно.

Женщина отказывается принимать старую фаллоцентричную парадигму. Она поддерживает фрагментированный, текстуальный характер «внешнего» архитектуры – города и его улиц. В данной позиции женщина становится одновременно и писателем, и читателем, который утверждает конец подавления и вытеснения ее тела.

Исследователь Джерард Рей А. Лико поддерживает идеи Д. Агрест. Он считает, что антропоморфизм в архитектурной теории Запада – от античных трактатов до «Модулора» Ле Корбюзье – был основан на аналогии с мужским телом. Он полагает, что трактаты Антонио Филарете, Леона Баттиста Альберти и Франческо ди Джорджо Мартини, опирающиеся на идеи Витрувия, развивают логоцентричный и антропоцентричный дискурс, в котором мужской антропоморфизм становится основой представлений о телесности в классической парадигме архитектурного мышления. В данных работах мужское тело олицетворяет природный «образец» архитектурной морфологии. Таким образом, витрувианский параллелизм мужского тела и архитектуры становится основанием фаллоцентричной парадигмы архитектуры [Lico, 2001, p. 33].

Д.Р.А. Лико указывает на присутствие аналогичной тенденции в архитектуре модернизма, где тело если не игнорируется, то в качестве прототипа избирается именно мужская фигура. Ярким примером является шкала пропорций «Модулор», созданная Ле Корбюзье в 1945 году [ibid].

ISSN 2227-6165

Истоки её лежат в задании, которое было сформулировано Ле Корбюзье в 1943 для группы его помощников. Звучало оно следующим образом: «Возьмите фигуру человека с поднятой рукой высотой 220 см; расположите её в двух поставленных друг на друга квадратах, впишите в эти два квадрата третий, который должен дать Вам решение; место вершины вписанного прямого угла поможет вам расположить третий квадрат» [Ле Корбюзье, 1976, с. 52]. В результате получилась схема с условным изображением мужской фигуры ростом 182,8 см с поднятой вверх рукой, которое сопровождается двумя спиралями размерных рядов, – красного и синего – возрастающих в пропорции золотого сечения и приближенному к нему ряду чисел Фибоначчи.

Исследователь Джерард Рей А.Лико в качестве другого примера приводит роман «Источник» Эйн Рэнд, где главный герой – архитектор Говард Рорк – олицетворяет образ идеального человека. Показательным является пассаж в самом начале произведения, где главный герой стоит на краю обрыва. «Длинные прямые линии его крепкого тела соединялись углами суставов; даже рельефные изгибы мышц казались разломленными на касательные» – так описывает его тело Айн Рэнд [Рэнд, 2020, с. 11]. Таким образом фигура Говарда Рорка становится олицетворением модернистской доктрины, в которой сооружение наделяется характеристиками тренированного, здорового, атлетически сложенного мужского тела [Lico, 2001, p. 32].

Исходя из вышесказанного становится очевидным, что феминистическая перспектива утверждает инаковость женского. Данная тема также раскрывается в работах Дженифер Блумер.

В эссе «Обители теории и плоти» Дженифер Блумер пишет, что двойственность и упадочность женского являются одними из метафор многих форм Другого относительно доминирующего мужского Я [Bloomer, 1993, p. 39]. Это также относится и к репрезентации телесности. Если мужской антропоморфизм представлял собой механическое сочленение разных частей тела, то женская телесность может быть представлена как система потоков, скрытых за кожным покровом (то есть нервной системы, желез внутренней секреции, пищеварительного тракта, сосудов и внутренних органов). Блумер считает, что аллегории этих «негативных элементов» женской телесности могут быть задействованы в качестве критики «фаллоцентричного» фетишистского дискурса архитектуры, в котором «рождённый архитектором на свет» архитектурный объект репрезентируется как чистое, цельное и упорядоченное произведение. Блумер пишет: «Он кажется законченным и совершенным после выхода на свет. Но в действительности процесс порождения нового – это не только торжественная презентация конечного результата, но и длительный процесс, а также грязное, кровавое, эротическое событие» [Bloomer, 1998, p. 777] .

В книге «Архитектура и текст» Дженифер Блумер утверждает: «Я пишу женское» [Bloomer, 1993]. В этом высказывании очевидно присутствует влияние Элен Сиксу – французской постструктуралистки, которая тесно связана с понятием «женского письма» (l'écriture féminine). Дженифер Блумер соединяет именно письмо, а не архитектуру, с феноменом «женского». «Женская архитектура – это не архитектура вообще» – пишет она [Bloomer, 1993, p. 142]. Блумер, таким образом, предполагает, что архитектура и женское начало несопоставимы.

В лекции, прочитанной в Архитектурном институте Южной Калифорнии в 1990 году, Д. Блумер говорит, что в сфере архитектуры существуют трудности в проведении параллели между женским телом и категорией прекрасного [Jennifer Bloomer..., 1990]. Эту идею Д. Блумер заимствует из работ К. Пальи. В данном контексте К. Палья задействует палеолитическую Венеру из Виллендорфа в качестве метафоры женской телесности [Paglia, 1990, p. 46]. По мнению К. Пальи, тело Венеры является слишком «аморфным и рыхлым», а потому оно, скорее, репрезентирует хтонические силы природы, нежели аполлоническое начало культуры. Противопоставляя природу и культуру, К. Палья пишет: «в природе нет ничего прекрасного. Природа – это грубая сила, нечто беспокойное, хаотичное, возвышенное. Прекрасное – это оружие против природы, при помощи которого мы делаем предметы симметричными, определяем их границы, пропорции. Красота – наше средство побега из объятий темной плоти, удерживающей нас» [Paglia, 1990, p. 47]. Следовательно, архитектура (как материальный элемент культуры) характеризуется как «Другое» Венеры из Виллендорфа [Jennifer Bloomer ... 1990].

ISSN 2227-6165

Однако постструктуралистская критика, реализуемая с феминистической позиции, не является единственно возможным подходом размышлений о женской телесности. Альтернативную трактовку понятию телесность предлагает Дебора Фауш. В работе «Знание о теле и присутствие истории» она вводит понятие «феминистская архитектура», отличающееся от такового у Блумер и Агрест. Она отмечает, что феминистская архитектура оказывается гораздо шире, чем выражение специфических черт женской телесности в архитектуре. В данном контексте «феминистская архитектура» трактована как стратегический подход, который реабилитирует значение качеств и характеристик зданий, которые имели коннотацию «женских», и потому считались менее важными. Одной из таких категорий является тело (в частности – женское тело), а также телесное в целом: конкретное, материальное, эмпирическое [Fausch, 1996, p. 39].

Дебора Фауш рассуждает о телесности в феноменологическом ключе. Фауш – как Стивен Холл и Юхани Палласмаа – утверждает значимость телесного мультисенсорного (и кинестетического) восприятия архитектуры. В понимании Д. Фауш «феминистская архитектура» должна быть чувственно воспринимаемой, то есть коррелировать с телом человека и его перцептивными возможностями. В процессе восприятия такого рода архитектуры человек (независимо от пола) должен помнить о своей телесности, ощущать себя как «живое тело». Такая установка может стать антиподом абстрактности, искаженности, даже вытеснения телесности из архитектурной образности Нового времени и модернизма. По мнению Фауш, возвращение телесности в архитектуру является элементом перехода в новую парадигму архитектурного мышления, в которой оспаривается безоговорочный авторитет картезианского рационализма, примат разума над телом и гегемония зрения [Fausch, 1996, p. 40].

Ссылаясь на М. Хайдеггера, Д. Фауш увязывает феномен окуляроцентризма и игнорирование телесности с провозглашенным Декартом «дуализмом мышления и тела». В результате этого зрение обрело особую ценность в Новое Время: считалось, что глаза являются «органом разума», который несет свет истины. Хайдеггер же считает, что наделение зрения особой ценностью и принижение значимости остальных чувств ведет к «отделению субъекта от материального мира» [Fausch, 1996, p. 42].

Проблема женской телесности рассматривается теоретиками архитектуры конца XX века в постструктуралистском и феноменологическом ключе. Наиболее отчетливо данная тема артикулируется в статьях Дженифер Блумер, Дайаны Агрест и Элизабет Гросс, которые обрушиваются с критикой на доминирующую в архитектурном мышлении парадигму пространства. В частности, Д. Агрест указывает на узурпирование мужчинами-архитекторами элементов женской телесности, тем самым подчеркивая ее репрессированный статус. Эти исследовательницы не только констатируют вытеснение женщин и женского из архитектурного дискурса; они предлагают альтернативные стратегии, подрывающие основанную на мужском антропоморфизме логоцентристскую систему архитектурного мышления. Элизабет Гросс указывает на необходимость тотального переосмысления его базовых категорий (места и пространства), Дайана Агрест предлагает женщинам занять «внешнюю» позицию по отношению к системе архитектурного знания, а Дженнифер Блумер создает инсталляцию, составленную из атрибутов женской телесности.

Трактовка женской телесности в феноменологическом ключе отражена в концепции «феминистической архитектуры» Деборы Фауш. «Феминистическая архитектура» возвращает ценность конкретного, чувственного телесного опыта в восприятии архитектуры. Перцептивный опыт, получаемый субъектом через тело, позволяет семантическому измерению более полно раскрыться в здании. Таким образом, «феминистическая архитектура» в понимании Д. Фауш считает тело «инструментом восприятия значения произведений».

ISSN 2227-6165

ИСТОЧНИКИ

1. *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. Репринтное издание. – Москва: «Архитектура С», 2006.
2. *Ле Корбюзье*. Модулор: Опыт соразмерной масштабу человека гармоничной системы мер, применимой как в архитектуре, так и в механике – Москва: Стройиздат, 1976.
3. *Платон*. Собрание сочинений в 4 т.: Т. III - Москва: Мысль, 1971.
4. *Рэнд А*. Источник. В 2-х томах. – Москва: Альпина Паблишер, 2020.
5. Jennifer Bloomer on Beauty in architecture: lecture at Southern California Institute of Architecture (October 12,1990) [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=rjyswth-eN4 (дата обращения: 20.10.2020) Режим доступа: свободный

ЛИТЕРАТУРА

1. *Невлютов М.Р.* Феноменологические концепции в теории архитектуры: дисс... канд. арх. [Место защиты: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»]. – Москва, 2021.
2. *Agrest D.* Architecture from without: Body, Logic, and Sex // Theorizing a New Agenda for Architecture: An Anthology of Architectural Theory: 1965-1995 / *Nesbitt K.*(ed.). – New York: Princeton Architectural Press Publishers, 1996. – Pp. 542-552.
3. *Bloomer J.* Abodes of flesh : Tabbles of Bower // Architecture theory since 1968 / *Hays M.* (ed). – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1998. – Pp. 758-779.
4. *Bloomer J.* Architecture and the Text: The (S)crypts of Joyce and Piranesi. – New Haven: Yale University Press, 1993.
5. *Fausch D.* The Knowledge of the Body and the Presence of History – Toward a Feminist Architecture // Architecture and feminism / *Coleman D.* (ed), *Danze E.* (ed), *Henderson C.* (ed.). – Princeton Architectural Press: New York, 1996. – Pp. 38-59.
6. *Grosz E.* Women, Chora, Dwelling // Postmodern Cities and Spaces / *Watson S., Gibson K.* (ed.). – Oxford: Blackwell Publishers, 1995. P. 269.
7. *Lico G.R.A.* Architecture and Sexuality: The Politics of Gendered Space // Humanities Diliman. 2001, no. 1, vol. 2, pp. 30-44.
8. *Paglia C.A.* Sexual personae: Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson. – London: Yale University Press, 1990.

SOURCES

1. Le Corbusier. *Modulor: Opyt sorazmernoj masshtabu cheloveka garmonichnoj sistemy mer, primenimoj kak v arxitekture, tak i v mexanike* [Le Modulor: The Modulor: A Harmonious Measure to the Human Scale, Universally Applicable to Architecture and Mechanics]. Moscow, Stroyizdat, 1976. (in Russ.)
2. *Jennifer Bloomer on Beauty in architecture: lecture at Southern California Institute of Architecture* (October 12,1990) Availible at: https://www.youtube.com/watch?v=rjyswth-eN4 (accessed 20 October 2020)
3. Platon. *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh. Tom III* [Complete works. Vol. 3]. Moscow, Mysl' publ, 1971. (in Russ.)
4. Rand A. *Istochnik. V dvukh tomakh* [The Fountainhead. In two volumes]. Moscow, Alpina Publishers, 2020. (in Russ.)
5. Vitruviy. *Desiat' knig ob arkhitekture. Reprintnoe izdanie* [The Ten Books on Architecture. Reprint]. Moscow, "Arkhitektura-S" publ., 2006. (in Russ.)

REFERENCES

1. Nevlyutov M.R. *Fenomenologicheskie koncepcii v teorii arhitektury* [Phenomenological Concepts in architectural theory]. Ph.D. thesis, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 2021.
2. *Agrest D.* "Architecture from without: Body, Logic, and Sex." *Theorizing a New Agenda for Architecture: An Anthology of Architectural Theory: 1965-1995*. Nesbitt K.(ed.). New York, Princeton Architectural Press Publishers, 1996. Pp. 542-552.
3. Bloomer J. "Abodes of flesh: Tabbles of Bower." *Architecture theory since 1968*. Hays M. (ed). Cambridge, Massachusetts; London, England, The MIT Press, 1998. Pp. 758-779.
4. Bloomer J. *Architecture and the Text: The (S)crypts of Joyce and Piranesi*. New Haven, Yale University Press, 1993.
5. Fausch D. "The Knowledge of the Body and the Presence of History – Toward a Feminist Architecture." *Architecture and feminism*. Coleman D.(ed), Danze E.(ed), Henderson C (ed.). Princeton Architectural Press, New York, 1996. Pp. 38-59.
6. Grosz E. "Women, Chora, Dwelling." *Postmodern Cities and Spaces*. Watson S., Gibson K. (ed.). Oxford, Blackwell Publishers, 1995. P. 269.
7. Lico G.R.A. "Architecture and Sexuality:The Politics of Gendered Space." Humanities Diliman. 2001, no. 1, vol. 2, pp. 30-44.
8. Paglia C.A. *Sexual personae: Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson*. London, Yale University Press, 1990.